

А. Н.
МОШИН

Избранное

SHOUT
SHARE IT

Annotation

«С Тургеневым Н.Г. Бунин познакомился раньше, чем с другими писателями. Это знакомство завязалось случайно в 1860 или 1861 году, в конце августа или в начале сентября, на охоте по куропаткам в Щигровском уезде Курской губернии. Бунин с любимой собакой охотился в знакомых местах и, выбравшись на пригорок, увидел вдали еще двух охотников, идущих теми же местами почти по его следам: один был в светлой круглой шляпе с широкими полями, очевидно, барин, а другой, насколько можно было судить по костюму и блинообразному картузу, съехавшему у него на самый затылок, проводник из типичных дворовых крепостного времени...»

- [Алексей Николаевич Мошин](#)

- [notes](#)

[1](#)

Алексей Николаевич Мошин

Памяти Н. Г. Бунина

Я собрал несколько штрихов, касающихся И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина и Н.А. Некрасова, от знавшего лично этих писателей Николая Григорьевича Бунина, о котором упоминает И.С. Тургенев в письме к другу многих литераторов Михаилу Александровичу Языкову следующими словами:

«Спасское, 10 августа 1881

Любезнейший Михаил Александрович, получил я ваше письмецо и вместе с ним охотничий рассказ г. Бунина, который я прочел с истинным удовольствием. Описание того далекого края и людей весьма живо и характерно, и не один во мне охотник, но и литератор остался вполне доволен. Поблагодарите г. Бунина за его любезность от моего имени, и так как он, вероятно, не ограничится одним этим рассказом, то скажите ему, чтобы он и впредь меня не забывал...

Дружески жму вашу руку и остаюсь преданный вам И. Тургенев».

Полностью это письмо напечатано в книге «Первое собрание писем И.С. Тургенева» (1840–1883) (издание общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884 г., стр. 382). Там же напечатаны следующие примечания:

«1) М.А. Языков, управляющий акцизными сборами в Новгороде, приятель Белинского^[1], Панаева, Грановского, В. Боткина; Тургенев упоминает о нем в неизданной поэме „Поп“ (1844 г.):

Языков сам, столь важный, столь приятный,
Меня прочтет с улыбкой благодатной.

2) Рассказ Н.Г. Бунина под названием „Старый знакомый“ (из „Рассказов охотника-переселенца“) напечатан в мартовской книжке журнала „Природа и охота“ за 1881 г., № 3».

Большая часть печатавшихся в охотничьих журналах рассказов Н.Г. Бунина издана в 1900 году его дочерью Марией Николаевной Буниной в виде довольно объемистой книги под заглавием «Рассказы охотника».

Н.Г. Бунин родился в 1833 году и, следовательно, был уже старик, когда рассказывал мне эти свои воспоминания. Но память

его была еще довольно свежа, и он оставался весьма интересным, остроумным собеседником, и еще, хоть изредка, появлялись охотничьи рассказы из-под его талантливой пера. Записанные мною его воспоминания были, с его разрешения, напечатаны в газете 4 июля 1902 года. Затем Н.Г. Бунин написал мне, что я верно передал в печати его воспоминания, и только просил вставить некоторые подробности первой его встречи с Тургеневым на охоте, что я исполнил, дополнив эту статью. В октябре 1902 года Н.Г. Бунин умер.

С Тургеневым Н.Г. Бунин познакомился раньше, чем с другими писателями. Это знакомство завязалось случайно в 1860 или 1861 году, в конце августа или в начале сентября, на охоте по куропаткам в Щигровском уезде Курской губернии. Бунин с любимой собакой охотился в знакомых местах и, выбравшись на пригорок, увидел вдали еще двух охотников, идущих теми же местами почти по его следам: один был в светлой круглой шляпе с широкими полями, очевидно, барин, а другой, насколько можно было судить по костюму и блинообразному картузу, съехавшему у него на самый затылок, проводник из типичных дворовых крепостного времени. Первый выстрелил по куропаткам, и Бунин заметил, как одна из птиц, отделившись от стада, пролетела еще шагов полтора в сторону и свалилась в куст. Собака стрелявшего и, по-видимому, не заметившего направления полета подранка охотника, конечно, не могла по дальности расстояния причуять упавшую птицу, хотя охотник довольно долго топтался «на кругах» вблизи места, откуда стрелял. К Бунину подошел высокого роста солидный мужчина и странным для этой массивной фигуры нежным, почти детским голосом заговорил с большим сожалением о том, что собака его на сей раз оплошала... Бунин сказал, что хорошо приметил то место, где свалилась птица. Это заметно утешило того охотника. Пошли вместе. Собака Бунина по его указанию вскоре нашла подбитую Тургеневым куропатку, уже мертвую. Тургенев очень благодарил за эту охотничью услугу своего нового знакомого.

Сопровождал Тургенева на охоте Афанасий, крепостной мужик помещика Черемисина. Н.Г. Бунин не был уверен, что фамилию помещика помнил верно. Несомненно только, что этого Афанасия описал Тургенев под именем Ермолая.

Так завязалось знакомство Н.Г. Бунина с Тургеневым. Назавтра по приглашению Тургенева Бунин поехал вместе с ним на охоту, и так ездили они вместе дня три.

Тургенев был общителен и очень располагал к себе. Это было необычайное обаяние личности – не знаменитого писателя, а просто человека сердечного, отзывчивого, внимательного.

Неторопливый, всегда спокойный, Тургенев волновался только на охоте. Как он досадовал, когда ему случалось пропуделять, волновался и старался доискать причины промаха и что-нибудь найти в свое оправдание.

В эти первые дни между Тургеневым и Буниным не возникало никаких разговоров, кроме разговоров об охоте, о собаках, о знакомых местах...

В ту же зиму или на следующий год Бунин встречал Тургенева в Курске у общих знакомых и в клубе. Затем они встретились только через пятнадцать лет.

Обстоятельства этой встречи не совсем обыкновенны. Бунин, уже много лет до того служивший в акцизе, в это время служил в Боровичах в должности старшего помощника акцизного надзирателя. Его начальник, управляющий акцизными сборами в Новгороде Михаил Александрович Языков, друг многих известных писателей, относился к нему не как начальник, а как добрый знакомый и очень поощрял Бунина продолжать работать на литературном поприще после того, как познакомился с его охотничьими рассказами в рукописях.

Никогда Бунин не получал от Языкова никакого распоряжения по службе иначе, как в самой дружеской форме. И вдруг в 1875 или 1876 году Бунин получил в Боровичах депешу от Языкова, в которой самым официальным сухим тоном предписывалось «с получением сего» сразу же выехать в Новгород и по приезде в любой час ночи без малейшего промедления явиться в акцизное управление. При управлении была и квартира Языкова. Бунин очень встревожился этим необычайным по своей форме вызовом и помчался в Новгород. Приехал он в двенадцатом часу ночи и как был с дороги, не переодеваясь, вошел в акцизное управление.

На звонок вышел сам Языков и приветливо сказал:

– А, приехали?.. Пойдемте... И повел Бунина в кабинет.

Передняя и гостиная, через которую проходили, были еле освещены. Ярко освещен был только кабинет. При входе в эту комнату Бунин увидел на турецком диване прежде всего огромные подошвы, потом огромную фигуру мужчины, лежавшего с газетой, которую он читал. За газетой не было видно лица. Это был Тургенев.

Услышав шаги входивших, Иван Сергеевич оставил газету, снял пенсне и поднялся с дивана. Он стал совсем седой, но остался по-прежнему приветливым и обаятельным.

– Как я рад вас видеть! – встретил Тургенев гостя. – Простите, что вас вызвали, в этом я виноват...

Сюрприз чрезвычайно обрадовал Бунина. Оказалось, что

Языков о нем разговорился с Тургеневым, который сейчас же вспомнил спутника на охоте; прочли рассказ Бунина, и Тургенев захотел повидать старого знакомого, поговорить с ним. И говорили они долго, пока темная осенняя ночь не сменилась рассветом, часов до семи утра. Теперь уже разговор не ограничивался вопросами об охоте – говорилось много и по поводу литературных опытов Бунина. Последний конфузился в присутствии корифея литературы и как бы стыдился, что вот и он дерзает писать. Тургенев ободрял. Особенно памятно было Н.Г. Бунину следующее сравнение, которое привел ему Тургенев:

– Положим, вы музыкант, композитор... Вы один... Вам хочется играть... Садитесь к инструменту, импровизируете... Вы непременно счастливы тогда, потому что творите.... И ваш слух наслаждается тем, что творит ваша фантазия... Если почувствуете, что ваша импровизация должна быть интересна многим, а не только вам одному, вы ее запишете и пустите в свет... А если импровизация ваша никому, кроме вас, не интересна, все же вам она принесла минуты высокого эстетического наслаждения... Такие минуты скрашивают жизнь.

Еще дня два прожил в Новгороде у Языкова Тургенев, но беседа Бунина с ним прерывалась тем, что приходилось быть в обществе с другими лицами. Н.Г. Бунин помнит, что ему приводилось Тургенева видеть у Языкова одновременно с другими писателями, и, может быть, именно наавтра после описанной встречи Бунина с Тургеневым приехал Н.А. Некрасов из своего имения неподалеку от Новгорода. Гостей у Языкова собралось много.

Тогда разговор перешел главным образом на вопросы об охоте. А в этом деле Бунин являлся уже весьма компетентным собеседником: его с интересом слушали, его мнением дорожили...

Бунин помнил, что, когда разговор касался литературы, Некрасов подтрунивал над Тургеневым, острил над «Рудиным», находил, что «Рудин» наводит скуку...

Последняя встреча Н.Г. Бунина с Тургеневым произошла в 1879 году опять у Языкова в Новгороде. Тогда Бунин служил уже в Новгороде. Тургенев ехал из Петербурга, где ему устроили за тридцать пять лет славной литературной деятельности чествование, сопровождавшееся восторженными овациями.

Бунин увидел Тургенева на этот раз сильно постаревшим... Но он по-прежнему живо интересовался охотой и с увлечением говорил и расспрашивал о «местах», о дичи, о разных случаях охотничьей жизни.

В числе гостей у Языкова был И.Ф. Горбунов; он повторил

свой «тост генерала Дитятина», произнесенный на чествовании писателя, «отставного коллежского секретаря Ивана Тургенева». Все очень смеялись, и сам Тургенев от души смеялся. В 1881 году Языков отправил И.С. Тургеневу рассказ Н.Г. Бунина «Старый знакомый»; отзыв Тургенева об этом рассказе я уже привел выше. После этого отзыва Н.Г. Бунин, посоветовавшись с Языковым, посвятил И.С. Тургеневу свой рассказ «Наповал» и оттиск отправил Тургеневу в Париж. И.С. ответил Н.Г. Бунину письмом, которое погибло во время пожара в квартире Бунина. Тогда же сгорело Полное собрание сочинений Тургенева с его надписью, присланное им Н.Г. Бунину из Парижа, в роскошных переплетах.

У М.А. Языкова собирались по несколько раз в год М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев (когда наезжал в Россию), П.И. Вейнберг. Их всех встречал у Языкова Н.Г. Бунин. Он помнил, что между этими братьями-писателями существовали чисто товарищеские отношения, полные взаимной симпатии и уважения. Почти все они были на «ты». Это не мешало им часто спорить и порой добродушно язвить друг друга. Особенно часто язвил Салтыков, язвил всегда остроумно и часто безжалостно. И все к нему относились как будто немножко с опаской: как бы не попасть на зубок... А уж если кому-нибудь кличку какую-нибудь придумает, как вlepит – так и пристанет к человеку, и все подхватят... Кажется, он прозвал Достоевского «кликушей» за его манеру, всплыв, доводить спор до крика, до болезненного взвизгивания...

Когда выплывали так называемые «проклятые» вопросы, Достоевский так и затрясется, и завизжит, и закричит свои обличения, иногда ругательства.

– Кликуша, успокойся!.. – говорили ему.

– Кликуша? – отвечал Достоевский. – Потерпи с мое, и ты кликушей станешь!..

И каждый раз в таком случае в мужской компании Достоевский порывисто приподнимал над штиблетом брюки и показывал обнаженную ногу:

– Смотрите – вот!..

Кость была обтянута словно не кожей, а тончайшей пленкой. Это был ужасный след каторжной тачки.

Иногда Достоевский у Языкова читал. Бунин слышал, как он читал своих «Братьев Карамазовых».

А читал он – его чтение производило потрясающее впечатление. Когда слушатели ему об этом говорили, он волновался и кричал:

– Разве я голосом читаю?! Я нервами читаю!.. Нервами!..

Высокий, худой, болезненный, несколько согбенный, как бы сутуловатый, Ф.М. Достоевский все-таки производил отрадное впечатление необычайно добрым, тихим, кротким взглядом своих глаз. Никогда его глаза не делались злыми, даже в минуту вспышек и раздражения... Взгляд его становился только грустным, но не переставал быть кротким и добрым.

М.Е. Салтыков, напротив, всегда смотрел как будто немножко сурово, и, даже когда смеялся, глаза оставались серьезными...

Н.А. Некрасов производил разное впечатление: то он казался старым, дряхлым, хандрил и становился апатичным; это с ним случалось, когда он возвращался из Петербурга, проигравшись в карты. А когда долго не ездил в Петербург или когда ему везло, он становился как будто и добрым и гораздо моложе и очень любознательным и внимательным к народу. Каждого встречного мужика, бабу расспросит обо всем, о мельчайших подробностях их жизни... А как он умел говорить с крестьянами!.. Хорошо он знал народную речь...

В то время Достоевский издавал «Дневник писателя». Были периоды, когда издание он не мог выпускать аккуратно. Его очень огорчали и иногда раздражали сетования подписчиков. Одному доктору, который написал ему резкое письмо по поводу задержки издания, Достоевский вернул подписную плату.

Н.Г. Бунин ясно помнил, в какой единодушный восторг приходили все эти знаменитые писатели от появившегося романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Не было ни одного голоса, который мог бы найти хотя малейший недостаток в этом гениальном произведении, и большую отраду приносили всем разговоры о героях этого романа, о всех деталях. И все восхищались великим, в то время еще молодым, писателем.

Достоевский и Бунин сговорились вместе ехать в Старую Руссу лечиться и вместе отправились в 1878 или 1879 году на пароходе по Волхову.

Они поселились в двух соседних номерах старорусской гостиницы и по несколько раз в день заходили один к другому. Так они прожили месяца два. Достоевский лечился паровыми ваннами. Он как-то особенно добродушно относился ко всем людям, с кем ни встречался.

Достоевский любил вспоминать природу того края, где он провел тяжкие годы. Когда Бунин рассказывал, как хороша природа той или другой местности, куда его заводила страсть к охоте, Достоевский рассказывал в свою очередь о кедрах, о тайге...

Страстно любил он птиц, любил их на свободе и не терпел клеток. К его окну слеталось множество воробьев; он угощал их

крошками белого хлеба.

Стоило Достоевскому услышать пение или щебетанье птички, он останавливался и по голосу узнавал птичку. Любил вспоминать, как называется эта птичка там, в далекой Сибири... Бунин смутно припоминал, что Достоевский, услышав овсянку, сказал:

– А там ее называют варакушка...

Достоевский особенно любил голубей; когда он видел голубей, непременно останавливался посмотреть на них, и тогда скользила по его губам тихая, счастливая улыбка.

notes

Примечания

Жена М.А. Языкова, Екатерина Александровна, нарисовала портрет Белинского, весьма распространенный в репродукциях.